

СТАНЦИЯ ПРОЩАНИЯ

В ту зиму долгими ночами
Здесь паровозы не кричали.

От этих мерзлых стен полночных
К Москве, к Москве,
Под вой пурги,
В суровых эшелонах срочных
Везли сибирские полки.

И эта станция прощанья
Для наших близких
Той зимой
Сама казалась обещаньем
Беды
И гибели самой.

Но как спокойно и сурово
Приказ короткий звал солдат!
Как твердо в избы по сугробам
Шагали женщины назад!

Здесь,
В тыловой глуши таежной,
Я понял детской душой,
Что на земле седой, тревожной
Есть Долг,
Как Родина, большой.

Защитник мой,
В снегах под Рузой
В сражение
Пулей сбитый с ног,
Вернулся ль ты назад, безусый,
На станционный огонек?

Солдатка в темном полушалке,
Смогла ли ты сюда прийти
Встречать бойца на полустанке
В конце жестокого пути?

Я так хотел бы верить свято,
Что всех,
Ушедших в темь пурги,
Встречал родной перрон дощатый,
Он помнит давние шаги!

Но сорок семь солдат взяла
Война из моего села...

* * *

Мальчик в кубанке спокойно глядит с фотографии.
Это мой дядя, солдат восемнадцати лет.
Время ему и друзьям его так не потрафило:
Школа,
И фронт,
И накрывшийся пламенем след...

Братик последний, любимый,
В речах моей матери
Был он, как ангел, —
Застенчив, и ласков, и мил.
Боже помилуй,
Не то, чтобы грязных и матерных,
Он даже резкого слова не произносил.

То с малышами каким-то печеньицем делится,
То разнимает лихих забияк, не силен...
Бабка смеялась: «Ты, Сема, что красная девица».
Хмурился дед: «Мужиком себя чувствуй, Семен!»

Нет, не сидел он задумчиво на поле клеверном,
Нет, не томился за тихим иль праздным столом.
На лошадях он скакал без седла, как приклеенный,
И по мишеням в десятку стрелял за селом.

А как шинельку надел за казенной оградой
И к эшелону в колонне его повели,

Он на сестер оглянуться не счел своей надобой,
Не захотел помахать им рукой издали.

Мать моя эту оплошку запомнила братову,
Плача, твердила, уже и стара, и слаба:
«Если бы он оглянулся —
Дорогу обратную,
Может быть, Семе тогда подарила судьба!»

Я представлял огневую купель сталинградскую,
Мальчика,
В жизнь заглянувшего утром, как в сад,
Черные скаты в могилу огромную, братскую...
Вот он шагнул к ней
И не обернулся назад!

ЛЕШКА

Мы в поле шли искать саранки,
И Лешка в горестном кругу
Читал нам письма из Саратова,
А мы сидели ни гугу.

Его отец писал про госпиталь,
Где столько бед он перенес,
Что в снах мерещился погост ему,
Но он просил не тратить слез.

Из Лешки их никто б не выдавил.
Он только яростно моргал,
Просил, чтоб матери не выдали:
Он ей впервые в жизни лгал...

За Лешкой, тощим и нескладным,
Мы шли по пламени цветов
И рыли луковицы сладкие —
Голодный хлеб крутых годов.

А друг наш брал цветы у каждого,
Тяжелый набирал букет
Для матери —
Пусть ей покажется,
Что горя не было и нет!

Мать приходила поздно вечером.
И от дверного косяка
Смотрела, как цветы посвечивают
Огнем живого костерка,

УГОЩЕНИЕ

Я был, как все, несатытым,
Я ждал, как все, отца.
Нам председатель сыпал
По горсточке овса.

Из неприкосновенной
Колхозной кладовой
Он тратил довоенный
Запас какой-то свой.

Не дома, при лучине,
А тут же, у крыльца,
Как семечки, лутили
Мы зернышки овса

И, не спеша, как гости,
Держали всласть во рту.
А золотые ости
Сгорали на ветру.

Невольный сострадатель,
Всегда голодный сам,
Нас гладил председатель
По жестким волосам.

...Теперь бессонной ночью
Гляжу на россыпь звезд
И вижу вновь воочью
Струющийся овес.

Он в этом мирозданье
По-звездному высок,
Как слово состраданья,
Как доброты урок.

СТОЯЛА ЗИМА...

Стояла зима,
и в нетопленном доме
Мы лезли на печку,
но жгли кирпичи
Железом остылым на этой раздольной,
Такой неудобной,
ненужной печи.

И мать,
натянув на меня телогрейку,
Надев на себя
всю остатнюю рвань,

Пошла поискать
в буераках горелку —
Горелые сосны,
сухие дрова.

Я помню сугробы
меж сосен кудлатых,
И, в снег провалившись,
я полз, будто плыл,
И сосны ветвями
качали крылато,
Но тело поднять
не хватало мне сил.

И в этом сыпучем плену обессилов,
Хотел я зарыться,
застыть,
задремать.
Но к твердому насту
меня выносила
На слабых руках
терпеливая мать.

Под вечер,
в сугробах слепых увязая,
Брели мы,
как тени угасшего дня, —
Солдатка,
согнувшись под тяжелой вязанкой,
Вела,
спотыкавшегося,
меня.

И ныне я вижу:
сквозь радость и муку,
Через разлуку
и через беду
Иду я,
держась за всеильную руку,
По белому снегу...
По жизни иду...